

Тянь Ци, услышав слова «покушение на жизнь наследника», почувствовала, как сердце её ушло в пятки. За последнее время в императорской семье погиб лишь младенец Чжаои Сун. Если Император докопался до того, что Шуфэй причастна к смерти ребенка, то он наверняка выяснил и способ, и подробности того, как именно это было совершено.

Император знает. Он знает всё.

Тянь Ци больше не могла сохранять невозмутимость, лицо её стало пепельно-серым от ужаса.

Цзи Хэн, наблюдавший за каждой переменной её настроения, невозмутимо спросил:

— Тебе есть что сказать?

— Нет, нет, нет...

Цзи Хэн слегка махнул рукой, отпуская Тянь Ци по делам. Глядя ей в спину, он испытал легкое разочарование, а на его лице пролегла тень.

Выйдя за дверь, Тянь Ци шла, словно в тумане, едва переставляя ноги. В голове билась лишь одна мысль: «Погибла, всё, теперь точно погибла». Оказавшись на свежем воздухе, она перевела дыхание и вдруг подумала: раз Император не убил её на месте, а велел присматривать за тем, как Шуфэй покончит с собой, может, это значит, что он знает о её невинности и хочет дать шанс?

Осознав это, она тут же развернулась и пошла обратно.

Цзи Хэн только успел сесть и взять кисть, как увидел, что Тянь Ци вернулась. Едва войдя, она с глухим стуком опустилась на колени и зарыдала:

— Император, ваш слуга виноват!

Лицо Цзи Хэна немного прояснилось. Он отложил кисть и, приподняв бровь, посмотрел на неё:

— О? В чем же ты провинилась?

Тянь Ци понимала, что Император в курсе всего, но всё же вкратце пересказала события:

— Слуга должен был раньше доложить вам, а не пытаться самостоятельно уничтожить улики.

Цзи Хэн спросил:

— А почему же ты не доложила мне?

Тянь Ци теперь сполна оценила, насколько грозен Император: он молча всё разузнал, а потом нанес удар, не дав даже опомниться. Она не решилась юлить и ответила предельно честно:

— Слуга испугался за свою жизнь и помешал вам восстановить справедливость для госпожи Чжаои. Прошу, накажите меня.

Сказав это, она украдкой взглянула на Цзи Хэна, пытаясь уловить выражение его лица. Заметив, что он, кажется, не слишком разгневан, она решила сыграть на чувствах:

— С тех пор как я узнала, что госпожа Чжаои погибла из-за меня, я не нахожу себе места, ни есть, ни спать не могу, жизнь не мила. Император, лучше прикажите казнить меня, тогда я

смогу отправиться вслед за госпожой и продолжить служить ей там, у-у-у...

Плач Тянь Ци начал раздражать Цзи Хэна:

— Мне решать, как тебя наказать, а не тебе!

Тянь Ци втянула голову в плечи и всхлипнула:

— Император мудр, слуга осознает свою вину.

Цзи Хэн смотрел на коленопреклоненную фигурку. Тонкая, сжавшаяся в комочек, она напоминала бездомного зверька. А покрасневший нос и влажные глаза вызывали невольную жалость.

Он вздохнул. Хотя Тянь Ци не пыталась никого убить намеренно, она стала непосредственной причиной гибели наследника. За такое преступление слугу не жалко было бы и казнить. Но Цзи Хэн никак не мог заставить себя поступить так с ней. По сути, этот слуга не был злым и проявлял преданность. А в одиночестве человек всегда показывает своё истинное лицо — то, как он рыдал у погребальной таблички Чжаои Сун, было искренним.

Говоря прямо, Тянь Ци тоже была жертвой.

Ладно, пусть живет, подумал Цзи Хэн. Он ведь уже много дней не решался ничего с ней сделать, значит, в глубине души давно простил. Просто её нечестность снова вывела его из себя, но теперь, когда мальчишка во всем признался, эту страницу можно перевернуть.

Цзи Хэн произнес:

— Иди, занимайся делами. Я пока запомню этот долг, а если подобное повторится — спрошу за всё сразу.

Тянь Ци просияла:

— Благодарю Императора за милость, что сохранили мне жизнь!

Цзи Хэн нетерпеливо махнул рукой:

— Убирайся, не хочу тебя видеть.

И Тянь Ци поспешно удалилась.

Когда она в сопровождении двух евнухов принесла Шуфэй шелковый шнурок и яд, та оказалась куда спокойнее, чем ожидала Тянь Ци. Шуфэй давно предчувствовала недоброе. Если уж тот евнух выжил, даже будучи оглушенным и брошенным в озеро, значит, удача была не на её стороне. А раз Император раскрыл её тайну, то ожидать иного было бы глупо.

На самом деле, Шуфэй совершила ошибку. Тянь Ци долго находилась при дворе, и Император не предпринимал никаких действий, а значит, он ничего не знал. Лучше было бы затаиться, но Шуфэй запаниковала и поспешила избавиться от Тянь Ци, чем сама себя и выдала.

Впрочем, сама Шуфэй считала, что проиграла лишь из-за невероятного везения этого проклятого евнуха.

С чувством горечи вспомнив свою жизнь в гареме и признавшись в любви к Императору, она выбрала чашу с ядом и ушла из жизни.

Тянь Ци смотрела на это с каменным лицом. Никакого сочувствия к Шуфэй она не испытывала. В Запретном городе сострадание — непозволительная роскошь, его она берегла лишь для самых достойных. Тянь Ци видела немало смертей и относилась к ним философски. Все мы когда-нибудь умрем, а раз ты натворила столько бед, то чем раньше уйдешь, тем лучше. Счастливого пути, провожать не стану!

Закончив дела, Тянь Ци помнила, что Император не желает её видеть, поэтому не стала соваться во дворец Янсинь. Возвращаться во дворец Цяньцин было скучно, и она решила отправиться на кухню, раздобыть потрохов и покормить Дай Саньшаня у озера Тайе.

Черепаха была рада видеть Тянь Ци и с удовольствием уплетала любимое лакомство у самого берега.

Набережная была выложена синим камнем, вода была совсем близко. Когда Дай Саньшань подплывал, его огромный панцирь возвышался над уровнем берега, напоминая причалившее судно.

Тянь Ци воровато огляделась по сторонам. Сердце её затрепетало. Набравшись храбрости, она с корзинкой в руках прыгнула и приземлилась прямо на спину черепахи.

Словно по волшебству, стоило ей усестся, как Дай Саньшань поплыл к середине озера. Черепахи медлительны на суше, но в воде плавают быстро. Тянь Ци, рассекая волны на огромном панцире, была в полном восторге.

Проходившие мимо слуги и евнухи, увидев эту картину, застыли в изумлении и страхе, не в силах оторвать взгляд.

Маленький Жуи, проходивший мимо, замер, вцепившись в иву:

— Тянь Ци, я тоже хочу!

Тянь Ци не слышала его. Няньке пришлось громко позвать её.

Тянь Ци, подбрасывая еду вперед, направила черепаху к берегу. Но как бы она ни была смела, позволить Жуи зайти в воду она не решилась, поэтому они общались на расстоянии.

Жуи не унимался, требуя покататься. Получив отказ, он не стал плакать, а просто обиженно уставился на неё, надув губы.

Сердце Тянь Ци дрогнуло:

— Ладно-ладно, Ваше Высочество, в воду нельзя, но черепаха может выйти на сушу.

Она направила Дай Саньшаня к пологому спуску. Нянька помогла Жуи забраться на панцирь, и Тянь Ци крепко его обняла.

Мальчик был счастлив, он дрыгал ножками и кричал: «Но!». Конечно, черепаха от этого быстрее не поехала.

Еда у Тянь Ци почти закончилась, и управлять черепахой стало невозможно. Она велела всем

следить за ними, чтобы в случае чего сразу снять принца.

Дай Саньшань не поплыл обратно, а пополз вдоль берега, пока не наткнулся на ворота и не прополз в них. Это были ворота Сихуа. Пройдя через них, черепаха поползла по дороге, свернула к Южным Небесным воротам, миновала ворота Чансинь и оказалась перед воротами Цынин.

А за ними был дворец Цынин.

Цзи Чжэн пришел навестить Вдовствующую императрицу. Та не жаловала его, но и не притесняла, так что внешне они сохраняли видимость гармонии.

Выйдя из дворца, он увидел удивительную картину: маленький евнух с ребенком на руках сидит на огромной черепахе.

Черепаха медленно ползла вперед, а за ней тянулась целая процессия людей, двигавшихся с такой же черепашьей скоростью.

Цзи Чжэн решил не ждать, пока они доползут, и подошел сам. Он узнал и племянника, и того самого евнуха, чье лицо запомнил, когда однажды оказался к нему слишком близко.

Тянь Ци хотела было слезть с ребенком, чтобы поклониться, но Цзи Чжэн остановил её:

— Не нужно, сидите так.

Тянь Ци:

— Приветствую Ванье.

Жуи:

— Приветствую дядю.

Цзи Чжэн усмехнулся:

— Я видел, как люди играют со сверчками, петухами, кошками и собаками, но чтобы катались на черепахе — такое вижу впервые.

Дай Саньшань, не обращая внимания на присутствующих, медленно развернулся.

Жуи с гордостью представил:

— Дядя, это Дай Саньшань.

— Дай Саньшань? Забавное имя. Кто его придумал?

Жуи указал на Тянь Ци:

— Тянь Ци.

Цзи Чжэн посмотрел на неё:

— Значит, тебя зовут Тянь Ци? Твоя рана зажила?

— Благодарю за беспокойство, Ваше Высочество, давно зажила.

— Как ты приручила эту черепаху? Я пытался подойти к ней, но она пряталась в воде.

Цзи Чжэн нашел этого евнуха занятым и, идя рядом, завязал беседу. Они разговорились и, не заметив направления, дошли до ворот Лунцзун.

И надо же было такому случиться, что именно там проходил Цзи Хэн, направляясь в дворец Цынин. Издалека он увидел Тянь Ци и Жуи на панцире, а рядом — Цзи Чжэна. Они весело болтали, и двое взрослых обменивались улыбками.

Со стороны это выглядело как счастливая семья.

Цзи Хэна словно током ударило. Лицо его помрачнело, он приблизился и рывкнул:

— Немедленно слезайте!

Тянь Ци и Жуи вздрогнули. Нянька поспешно сняла принца. Тянь Ци попыталась сползти с панциря, но поскользнулась.

Она была уверена, что упадет, но её подхватил Цзи Чжэн.

Оказавшись в его объятиях, Цзи Чжэн подумал лишь об одном: почему он такой мягкий?

Осознав неуместность своих мыслей, он поспешно отпустил её и отвел взгляд, чувствуя, как краснеют уши.

Гнев Цзи Хэна лишь разгорался:

— Кататься на черепахе в Запретном городе! Где ваше благоразумие?

Все вокруг опустили головы, воцарилась гробовая тишина. Дай Саньшань, словно понимая, в чем дело, втянул голову в панцирь.

Тянь Ци вздохнула: «Император, вас боятся даже священные черепахи!»

Жуи не понимал, почему нельзя кататься, но видел, что отец сердится, и послушно произнес:

— Отец, не гневайся, я виноват.

Цзи Хэн не удостоил его ответом и уставился на Цзи Чжэна:

— А ты чего здесь стоишь? Тоже хочешь покататься?

— Не смею, удаляюсь, — поспешно ответил Цзи Чжэн и скрылся.

Тянь Ци было неловко — ведь принц ни в чем не виноват, просто попал под горячую руку.

Цзи Хэн велел Шэн Аньхуаю оттащить черепаху обратно в озеро, а сам направился к дворцу Цынин. Сделав несколько шагов, он обернулся и увидел, что Тянь Ци стоит на месте:

— Почему не идешь? Ждешь, пока я тебя приглашу?

Тянь Ци подумала: «Вы же сами сказали, что не хотите меня видеть», но вслух ничего не сказала и поплелась следом.

Однако Жуи вцепился в неё, не отпуская. Он решил защитить Тянь Ци от гнева отца.

Цзи Хэн был в ярости. Этот сорванец осмелился перечить ему!

Но вскоре Жуи заплакал. Цзи Хэн не боялся истерик, но боялся слез, потому что за ними могла последовать Вдовствующая императрица.

— Перестань! — бросил он и зашагал прочь.

Жуи решил, что победил. Тянь Ци же понимала, что дело пахнет керосином. В правилах города не было четкого запрета на катание на черепахах, но всё зависело от слова Императора. Если он недоволен — значит, она совершила тяжкое преступление.

Неужели она выжила после дела Чжао Сун, чтобы погибнуть из-за черепахи?

Она была в отчаянии. Жуи перестал плакать и спросил:

— Тянь Ци, почему отец не любит, когда мы катаемся на черепахе?

Тянь Ци, чтобы не разочаровывать ребенка, выдумала:

— Твой отец сердится, потому что сам хочет покататься, но он слишком тяжелый, черепаха его не выдержит.

Жуи проникся сочувствием к отцу.

Проводив принца, Тянь Ци осталась стоять у ворот Лунцзун, не зная, что делать.

Цзи Хэн, зайдя во дворец, оставил евнуха подсмотреть, что происходит. Тот вернулся и в точности передал слова Тянь Ци.

Цзи Хэн в сердцах разбил чашку.

Кто хочет кататься на черепахе?!

Тянь Ци решила, что Император просто был не в духе, а она попалась под руку. Лучше не попадаться ему на глаза, пока он злится. Она вернулась во дворец Цяньцин и стала думать, как загладить вину.

Лучший способ — угодить Императору. Но как? Кроме работы с документами, у него, казалось, не было интересов. Его с детства готовили к трону, и времени на игры не оставалось.

Тянь Ци отправилась в Лавку Баохэ. Это было удивительное место, где евнухи торговали ненужными вещами из дворца. Иногда там можно было найти что-то любопытное.

Перебирая всякий хлам, она вдруг наткнулась на нечто стоящее.

Вечером Цзи Хэн вернулся из дворца Цынин. Гнев его уже прошел. Он понимал, что его вспыльчивость была излишней.

Вернувшись в кабинет, он отпустил Шэн Аньхуа. Но едва тот ушел, как в дверях появилась Тянь Ци с сияющей улыбкой. В руках она держала длинный футляр из желтого палисандра.

— Ты разве не закончила смену? Что ты здесь делаешь? — нахмурился Император.

— Император, я принесла вам подарок!

Цзи Хэн отложил книгу:

— Показывай, раз принесла.

Тянь Ци открыла футляр. Там, на атласе, лежал веер. Оправа была из обычного бамбука, слегка деформированная от времени.

Цзи Хэн раскрыл его. Бумага пожелтела, края обтрепались. На рисунке был изображен мальчик, играющий в цуцзюй. Движения были переданы так живо, что казалось, будто он сейчас сорвется с места.

Цзи Хэн взглянул на Тянь Ци, которая ждала похвалы, как щенок, виляющий хвостом. Он усмехнулся и опустил взгляд на подпись.

Там стояла лишь красная печать: «Муси».

Цзи Хэн замер.

— Ты знаешь, кто это нарисовал?

— Не знаю, Император. Но веер старый, а рисунок забавный, вот я и решила вам показать.

— Это Фачан, монах эпохи Южная Сун, — сказал Цзи Хэн, указывая на печать. — Он писал цветы и птиц, но никто никогда не слышал, чтобы он рисовал игру в мяч.

— Неужели подделка?

Цзи Хэн покачал головой:

— Нет, судя по оттиску печати и манере письма, это подлинник Фачана. Жизненный путь Фачана окутан тайной, и то, что он увлекался игрой в цуцзюй или рисовал её, не является чем-то невероятным. Откуда ты вообще взяла этот веер?

— Раб купил его в лавке Баохэ.

В этот момент Тянь Ци испытала невероятное облегчение. Евнухи в лавке Баохэ из-за своего ограниченного образования разбирались в антиквариате, но в живописи и каллиграфии были совершенно не сильны. Фачан — фигура загадочная, картин его сохранилось мало, а уж про веер с изображением цуцзюй никто и не слыхивал. Да и мелкую печать они прочесть не смогли. Всё это привело к тому, что бесценное сокровище свалили в кучу всякого хлама, оценив лишь по возрасту вещи.

Тянь Ци тогда спросила у местных евнухов, откуда у них этот веер. Ей ответили, что его продал лавке один транжира, любитель азартных игр, а поскольку вещей было много, веер отдали просто как бонус.

Вот так Тянь Ци удалось совершить выгодную покупку.

Услышав, что веер из лавки Баохэ, Цзи Хэн удивился:

— В лавке Баохэ водятся такие вещи? Сколько ты за него заплатила?

Тянь Ци показала четыре пальца.

— Четыре тысячи лянов?

— Сорок.

— ...

Видя, что Цзи Хэн лишился дара речи, Тянь Ци указала на шкатулку из желтого грушевого дерева:

— А эта шкатулка обошлась в шестьдесят лянов, я долго торговалась, но они ни в какую не хотели уступить.

Это был чистой воды случай, когда покупают шкатулку, выбрасывая жемчужину. Просто... слепцы, не умеющие ценить сокровища. Цзи Хэн приложил руку ко лбу, чувствуя досаду от того, что в его дворце служат такие глупцы.

Тянь Ци осторожно спросила:

— Император, вам нравится этот веер?

Цзи Хэн не ответил. Он бережно положил веер в шкатулку, закрыл крышку и спросил:

— Значит, за обе вещи ты отдала сто лянов?

— Так точно.

— Сходи в казну и получи двести лянов.

— Слушаюсь. — Тянь Ци подумала: деньги не важны, главное, что ему понравилось.

— Золотом.

— ... — Она остолбенела, глядя на него.

— Иди получи двести лянов золотом, или ты не понимаешь моих слов? — Цзи Хэн посмотрел на её ошарашенное лицо, сдержался, но всё же уголки его губ дрогнули в улыбке.

Тянь Ци поспешно поблагодарила за великую милость, подумав, что деньги всё-таки очень важны. Она собралась уходить, но вспомнила ещё кое-что:

— Император, можно мне завтра после смены отпроситься, выйти из дворца?

— Зачем тебе выходить?

— Деньги положить на хранение. — Двести лянов золотом нигде не спрячешь в безопасности.

Всё-таки в голове одни деньги. Цзи Хэн был в хорошем настроении и не стал придираться, лишь бросил:

— Иди.

Когда Тянь Ци ушла, Цзи Хэн снова открыл деревянную шкатулку и достал веер, чтобы рассмотреть его получше.

Этот мальчишка, стоило его немного пожурить, тут же побежал в лавку Баохэ искать подарок. Неужели я настолько страшный?

Взглянув на вещь, он подумал, что этот слуга действительно знает его вкус, что большая редкость.

Отложив веер, он снова осмотрел шкатулку из желтого грушевого дерева: гладкая, золотистого цвета, с красивым тёмно-красным узором, напоминающим причудливые лики, а на крышке вырезана веточка с тыквой-горлянкой — весьма изящная работа.

Цзи Хэн невольно вздохнул. Тянь Ци потратила ещё шестьдесят лянов на шкатулку для веера, который стоил всего сорок. Евнухам нелегко даются деньги, он действительно вложил душу в этот подарок.

Цзи Хэн погладил резную тыкву на крышке, вспоминая, как только что Тянь Ци вертелась перед ним, словно щенок, виляющий хвостом. Такая глупая.

Размышляя об этом, он невольно покачал головой и тихо рассмеялся, пробормотав:

— Маленький извращенец.

<http://bllate.org/book/22267/2330913>